

О ПРИРОДЕ КОНДРАТЬЕВСКИХ "ДЛИННЫХ ВОЛН"*

Волконский В.А.

(Москва)

Описываются циклические колебания социально-политической ситуации, смены фаз "оживления" и "застоя" в России с примерно 50-летним периодом на протяжении последних четырех веков. Высказывается гипотеза, что в основе экономических "длинных волн" Н.Д. Кондратьева лежат социально-психологические циклы, а не наоборот.

Возможность прогнозировать общественные процессы столь же трудна, сколь и заманчива. Пока можно сказать (да и то с натяжкой), что наука умеет предсказывать только ближайшие перспективы и только в одной области общественных явлений — экономике. С натяжкой, потому что прогнозы выполняются лишь в том случае, если остаются неизменными основы социально-политического устройства общества. А в какой момент разразится революция и как будут вести себя экономические параметры после нее — для ответа на эти вопросы математические модели еще не созданы.

Разработка Н.Д. Кондратьевым концепции длинных волн [1] была серьезным прорывом в представлениях человечества о законах экономического развития, хотя механизмы, определяющие возникновение циклов, им не были объяснены. Интерес к длинным экономическим волнам пережил ренессанс в 1970—1980-е годы, когда период бескризисного подъема в передовых индустриальных странах сменился энергетическим кризисом и снижением темпов экономического роста.

Накопилась уже огромная литература о длинных экономических циклах, содержащая как доказательства их существования, так и теории, объясняющие причины и механизмы их появления. Несмотря на это до сих пор нет единого устоявшегося мнения относительно механизма и причин, порождающих длинные волны. Многие вообще отрицают их периодичность, считая, что каждая волна объясняется своим комплексом причин. Большинство работ, претендующих на раскрытие механизма генерации длинных волн, остается в кругу чисто экономических факторов, даже точнее, факторов, определяющих движение капиталистической хозяйственной системы. Если Н.Д. Кондратьев и первые из его последователей пытались дать "рабочее объяснение" длинных волн, модифицируя ценово-финансовые модели, созданные для кратко- и среднесрочных капиталистических циклов, то в последние десятилетия роль фаворита среди изучаемых факторов стал играть процесс накопления и реализации научно-технических инноваций. Выдвигаются все новые концепции, объясняющие порождающий их механизм. Однако при знакомстве с большинством исследований невольно начинает казаться, что сравнительно хорошая осведомленность экономистов о механизме краткосрочных циклов направляет их мысли в традиционное русло. Многие, очерчивая сам объект исследования, отсекают важнейшие вопросы, одна постановка которых уберегла бы их от неверного направления поиска. Вслед за таким авторитетом экономической мысли, как И. Шумпетер, который назвал свою работу 1939 г. о длинных циклах анализом капиталистического процесса, большинство его последователей по тем или иным причинам (чаще всего из-за отсутствия статистических данных о более ранних исторических периодах) также ограничиваются Западной Европой и Америкой XIX—XX вв.

* В разработке идей, содержащихся в настоящей статье, большое участие принимал Н.В. Павлов.

и соответственно теми факторами, которые в этот период и в этих регионах наиболее заметны, т.е. факторами развития капиталистического производства.

Между тем включение в поле зрения социально-политических и культурно-психологических процессов даже при поверхностном наблюдении и элементарном знании истории также выявляет повторение определенных феноменов примерно с 50-летним циклом.

Это наблюдение само по себе, конечно, никак не снижает ценности "капиталистических" объяснений длинных волн. Но дело в том, что отрезок времени, когда эти волны выявляются, значительно длиннее, чем последние два столетия, когда механизм капиталистического производства стал системой самостоятельной, развивающейся по собственным внутренним законам независимо от социально-политических и культурно-религиозных процессов в обществе, а тем более определяющей их движение, как в развитых странах.

Исследование Дж.С. Гольдштейном [2] динамики цен и числа военных столкновений в Европе показывает, что период колебаний полувековых циклов становится более или менее устойчивым с XVII—XVIII вв. Для России можно проследить смену культурных и политических ориентаций с таким периодом, по крайней мере, с XVII в. Трудно представить, чтобы в XIII в. периодическое затишье и возрастание числа военных столкновений могло определяться наличием или недостатком свободного капитала или массой внедряемых в производство технических нововведений.

В отличие от многих современных исследователей, Н.Д. Кондратьев не ограничивает исследование кругом экономических факторов и показывает, что "периоды повышательных волн больших циклов, как правило, значительно богаче крупными социальными потрясениями и переворотами в жизни общества (революции, войны), чем периоды понижательных волн" [1, с. 203]. К сожалению, он не прослеживал циклических колебаний каких-либо факторов за пределами периода капиталистического развития. Если же признать, что 50-летние колебания сколько-нибудь общественно значимых параметров имеют место, то перед сторонниками "капиталистического" объяснения происхождения длинных волн встает вопрос: считать ли колебания с тем же 50-летним периодом, скажем, в эпоху средневековья в Европе или в России XVII в. случайным совпадением (что, согласитесь, не очень убедительно) или признать более вероятным, что порождающие их причины лежат не в плоскости капиталистического механизма.

Основополагающей доктриной марксизма является ведущая роль развития производительных сил, которое влечет за собой смену общественных формаций с характерной для каждой из них системой производственных отношений и обслуживающей их надстройкой. Взаимодействия же социальных, экономических, политических, культурных и т.д. факторов при рассмотрении более коротких периодов времени и менее ощутимых перемен в обществе могут принимать разнообразные формы. Ф. Энгельс специально подчеркивал, что только в "конечном счете" можно полагать процессы производства и воспроизводства определяющими в развитии общества. "Ни я, ни Маркс большего никогда не утверждали, — писал он. — Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто бы единственно определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную бессмысленную фразу" [3, с. 394—395].

Настоящая статья является попыткой проиллюстрировать гипотезу о существовании длинных волн в социально-политической и культурной сферах с примерно 50-летним периодом колебаний, опираясь в основном на работы А.Л. Янова [4, 5] по русской истории, а также С.Ю. Маслова [6] *.

* Доктор физико-математических наук С.Ю. Маслов выдвинул смелую гипотезу, связывающую описание изменений "стиля" общественной и культурной жизни с переменным доминированием в ней лево- и правополушарной психики. С.Ю. Маслов погиб, не оставив, насколько мне известно, подробного описания своей работы. Я знаю только о его докладе на эту тему в Институте истории АН СССР и о статье [6].

В истории России последних трех веков глухие, застойные в общественно-политическом смысле периоды, с удивительной размеренностью во времени сменяются оживлением, надеждами, ожиданием перемен, конструктивным социальным критицизмом и оптимизмом, реформами или по крайней мере подготовкой реформ, поисками путей перестройки общества или хотя бы управления. Как правило, именно в такие периоды оживления в течение нескольких лет или даже месяцев решается масса проблем, которые общество пыталось и не могло решить на протяжении нескольких предшествующих десятилетий. Так было с реформами Петра I, с отменой крепостного права в 1861 г. и шлейфом других реформ Александра II. Вот характерный факт для застойных периодов: подготовка реформы освобождения крестьян велась на протяжении всего царствования Николая I, создавались и преобразовывались тайные комитеты, даже издавались законы по частным вопросам, а реформа так и не была проведена, пока не наступили новые времена.

Если период оживления полон перемен и социально-политических столкновений, то к концу его цели управления перестают быть рациональными с точки зрения национальных интересов, и стремление к их осуществлению нередко приводит к разорению страны. Как правило, накапливается усталость, истощение ресурсов или разочарование в проведенных реформах, не разрешивших тех или иных острых социальных проблем. В тех случаях, когда период оживления был относительно спокойным, к концу его нарастают социальные и культурно-политические противоречия, выявляется неспособность власти и господствующих классов разрешить их конструктивными методами, и они вынуждены использовать все более жесткие методы подавления. Критический настрой периода оживления сменяется нередко апологетикой существующего положения. Со стороны низших классов общества учащаются стихийные восстания, во всех его слоях проявляется недовольство и, выражаясь современным языком, экстремистские настроения*.

Аналогично тому, как периодические кризисы играют функциональную роль в механизме капиталистического воспроизводства, приводя оторвавшиеся от ресурсной базы темпы хозяйственного роста в соответствие с возможностями, принуждая предпринимателей обновлять основной капитал, выправлять диспропорции, так и в более широком понятии — историческом цикле — периоды "застоя", по-видимому, имеют самостоятельную ценность, являются необходимым звеном в развитии общества. Наиболее очевидно "смысл" этих периодов выявляется, если обратиться к истории культуры. Фаза "застоя" обычно приносит не менее ценные, а часто даже более глубокие и зрелые плоды искусства, философии, науки в сокровищницу человечества.

Одномерная количественная характеристика чередующихся периодов лишь числом (плотностью) общественно значимых событий не только бедна содержательно, но и не дает достаточно четкой циклической картины. Иногда происходящие социальные изменения не проявляются, не выступают на поверхности общественной жизни. Пользуясь одномерным количественным показателем, период царствования Александра I трудно квалифицировать как оживление. А вот царствование Ивана Грозного оказалось бы именно такой фазой. Это противоречит ряду других более существенных характеристик данных периодов, которые свидетельствуют о близости эпохи Александра I к другим, надежно определяемым как оживление, а Ивана Грозного — к очевидным временам застоя.

Куда большее распространение 50-летних колебаний плотности общественно значимых событий мы находим, переходя от российской к европейской или всемирной истории. Это наводит на мысль рассматривать циклические изменения в России не как самостоятельные, а как отраженные, "наведенные" циклами, которые генерируются причинами циклов в средневековой Европе.

* Из описания видно, что мы используем термин "оживление" и "застой", абстрагируясь от содержащегося в них ценностного смысла.

Другую гипотезу для объяснения происхождения длинных волн можно получить, рассматривая не только "большие" события типа войн или революций, но и более скрытые параметры, характеризующие социально-политическую или культурно-психологическую жизнь общества. В то же время, используя множество признаков, мы рискуем получить разделение периодов оживления и застоя, которое будет чисто формальным, бессодержательным. Всегда найдутся признаки, чаще присутствующие либо в четные, либо нечетные периоды. Но задача осмысления, интерпретации такого формального результата могла бы оказаться неразрешимой. Более плодотворным представляется начать с выявления целостного культурно-психологического облика сменяющихся временных периодов, духа, направления или, используя термин О. Шпенглера, стиля общественной жизни. Вполне конструктивный подход предложен С.Ю. Масловым. Согласно его гипотезе, как уже говорилось, культурно-политические особенности фаз оживления и застоя можно записать в терминах, подобных тем, которые применяют медики и психологи для описания психологических типов, а именно лево- и правополушарной психики*.

Оживление характеризуется прежде всего установкой на будущие перемены, уверенностью в их необходимости и благотворности, говоря современным языком, верой в прогресс вплоть до революционности (при этом требует четкого отделения революционного настроя как конструктивного стремления к продуманным конкретным преобразованиям общественного устройства от неконструктивного бунтарства — стихийного выражения недовольства). Господствующее мироощущение — оптимистическое. Застойным периодам свойственны ориентация на сохранение и восстановление традиционных ценностей, существующего уклада, сомнение в идеях прогресса, консерватизм, реакция, пессимизм.

Оптимизм и вера в прогресс в период оживления обычно опирается на культ разума, рационализм в отношениях ко всем проблемам, просветительство, позднее атеизм. В период застоя переосмысливаются рационалистические и просветительские установки, выдвигаются иррациональные теории.

В области общественно-политических настроений оживлению соответствуют расширение внешних связей и открытость общества, интернационализм, западничество; застою — национализм, шовинизм, славянофильство, тенденция к изоляционизму. Каждая из указанных черт не обязательно присутствует во всех конкретных периодах оживления или застоя, однако большая их часть проявляется**.

Конечно, приведенные описания двух фаз цикла не отвечают на те вопросы, которые более всего интересовали бы прогнозиста русской истории, например будет ли в следующей фазе более жесткая диктатура или общество станет более демократическим и либеральным; ожидать ли от народов, населяющих Россию, большей агрессивности или миролюбия? Какой смысл прогнозировать "оживление", если под этим термином может скрываться эпоха как Петра Великого, так и Александра I?

К сожалению, такие характеристики не проявляют достаточно четко выраженной

* Идея описывать целую историческую эпоху как человека с определенным типом психики может показаться притянутой за уши. Однако она имеет давнюю традицию. Важнейший вклад в это направление науки внес еще в начале века крупнейший немецкий психолог и культуролог К. Юнг. В своем обширном труде "Психологические типы" [7] он анализирует культурно-исторические феномены с точки зрения разработанной им на основе собственной практики психоаналитики известной классификации психологических типов.

** В тезисах доклада в Институте истории АН СССР С.Ю. Маслов описал образы лево- и правополушарной психики, применительно к: 1) социально-политической жизни общества; 2) господствующему архитектурному стилю. В архитектуре к "левым" были отнесены "классические" и конструктивистские стили, к "правым" — барокко, рококо, романтизм, маньеризм, ретро. В соответствии с этим описанием проведена экспертная классификация каждого пятилетнего периода русской истории на отрезке 1700—1917 гг. по трем классам: "левый" (+1), "правый" (−1) и "неопределенно" (0). При этом с полной наглядностью выявлены 50-летние циклы как для социально-политической обстановки, так и для архитектурной, причем очень близкие друг к другу.

периодичности, а в данной работе речь идет о выявлении признаков с 50-летней циклическостью. Более близко к приведенному описанию употребление терминов "левые" и "правые" применительно к общественным и политическим движениям, если под "левыми" направлениями понимать либерально-прогрессистские, а под "правыми" — консервативно-почвеннические. Однако понятия левого и правого в политической сфере слишком расплывчаты, поэтому ориентация на более определенную основу психологических и медицинских данных весьма привлекательна.

Было бы очень заманчивым обосновать следующее утверждение: эпохи оживления характеризуются господством левополушарной ментальности, а застоя — правополушарной. Однако в настоящее время само конструирование образов лево- и правополушарной психики, а тем более соответствующих им социально-культурных стилей скорее походит на смелые гипотетические построения, чем на научные представления*, поэтому всю конструкцию пока следует рассматривать как обозначение не окончательно сформированного нового понятия и вызов, приглашение к дальнейшим всесторонним исследованиям.

Попытаемся описать циклическую смену фаз оживления и застоя в России, основываясь на работах В.О. Ключевского, С.М. Соловьева, А.Л. Янова, Н.Я. Эйдельмана.

Достаточно четко и устойчиво 50-летний цикл прослеживается с начала XVIII в. до 1980-х годов.

Первые десятилетия XVIII и XX вв. (и последние годы предыдущих столетий) отличались бурной реформаторской или революционной деятельностью. Царствование Александра I, правда, не ознаменовалось серьезными реформами (если не считать Закона о вольных хлебопашцах и правительственного намерения отменить крепостное право). Однако и усилия молодого императора перед войной 1812 г. совместно с М.М. Сперанским разработать проект всеобщей реформы государственного управления на основе идей просвещения, всдворив на место произвола строгую законность, и пушкинский расцвет свободолобивой литературы, музыки, театра, и движение декабристов после войны — все это резко контрастирует как с мрачным пятилетием правления Павла I (1796—1801 гг.), так и с николаевской реакцией, постепенно усилившейся от 1830-х к 1840-м годам. В.О. Ключевский резюмирует описание царствования Александра I словами: "...царствование Александра I возбудило много вопросов, проникших до глубины русского государственного строя. К решению одних едва было приступлено, другие остались нетронутыми. Между тем вызванные ими горячие надежды, охлаждаясь, превращались в недовольство" [8, т. V, с. 459].

Явными чертами фазы оживления за три последние века отмечен и период 50—60-х годов. Не говоря уже о реформе 1861 г., времени ее подготовки и следовавшими за ней реформами, и правление Екатерины II (особенно до Пугачевского восстания), и хрущевская "оттепель" с разоблачением культа, "освобождение крестьян", косыгинская экономическая реформа с последствиями в виде пражской весны, вполне соответствуют "левой" ориентации, особенно при сопоставлении с предыдущими и последующими десятилетиями.

В противоположность этим "левым" периодам 30—40-е и 80—90-е годы XVIII и XIX вв. и по количеству политических и культурных нововведений, по рациональности политики в смысле ее соответствия национальным интересам и по субъектив-

* Оппозиция лево- и правополушарной психики имеет, видимо, более серьезные научные основания, чем классификация К. Юнга. Она базируется, в частности, на изучении поведения больных с поражением левого либо правого полушария, обобщении клинических данных по лечению с подавлением, инактивацией полушарий и свидетельствует, например, о следующих чертах асимметрии их функций. Левое полушарие ответственно в основном за психомоторные, а правое — за психосенсорные функции; левое — за речемыслительные, правое — за сенсорно-перцептивные процессы, за вербальный либо образный типы мышления. Клиника предоставляет возможность проследить связь этих двух сфер психических процессов с актуальностью соответствия прошлого (для правополушарника) или будущего времени для больного. Подавление деятельности правого полушария ведет к повышению настроения и эйфории, левое — к снижению настроения, чувству вины, депрессии.

Однако в вопросах функционирования различных отделов мозга и среди специалистов-психологов еще весьма мало общепризнанных устоявшихся представлений.

ному ощущению современников приходится отнести к мрачным периодам застоя и реакции. Это относится и к десятилетию правления Анны Иоанновны и бироновщине (1730—1740 гг.), и к более мягкому, но лишенному каких-либо политических или культурных нововведений царствованию Елизаветы Петровны (1740—1762 гг.). Время правления Павла I (1796—1801 гг.) носит явные черты реакции на идеи либерализма и гуманности, характеризующие предшествующее царствование, и на влияние идеалов Французской революции в России.

В XIX—XX вв. доминирующее мировосприятие для тех или иных периодов можно соотносить с именами властителей умов и их произведениями. Если начало XIX в. — это эпоха Пушкина, то николаевская эпоха — это Лермонтов, Чаадаев и поздний Гоголь. Если 1860-е годы — это Чернышевский, Писарев, нигилисты, Толстой ("Война и мир"), то 1880-е — его же "Воскресенье" и "Крейцера соната", щедринская сатира и мрачный реализм Г. Успенского и Ф. Решетникова.

Представляется, что нет необходимости доказывать реакционный характер сталинских 30-х и 40-х годов. Однако спорным может показаться отнесение эпохи петровского правления к "левой" фазе. Как по статическим авторитарным методам, так и по непосредственным социально-экономическим результатам она сопоставима с эпохами Сталина и Ивана Грозного. Вторая половина царствования Петра I после Полтавской победы в 1709 г. носит противоречивые черты благодаря продолжавшейся еще 14 лет разорительной войне. В.О. Ключевский, приводя свидетельство австрийского резидента Вебера, пишет: "Угнетение духа, проистекавшее от рабства, до такой степени омрачило всякий смысл крестьянина, что он перестал понимать собственную пользу и помышляет только о своем скудном пропитании" [8, т. IV, с. 101]. Еще более разорительным для страны было введение порядка расквартирования полков по округам, превратившим армию в орудие сбора податей и полицейского надзора. Эта последняя мера приводила к разорению крестьян больше, чем сама подать: "Шесть месяцев в году села и деревни жили в паническом ужасе от вооруженных сборщиков, содержащихся при этом за счет обывателей, среди взысканий и экзекуций" [8, ч. IV, с. 101—102]. Генерал-прокурор П.И. Ягужинский писал сразу после его смерти царице Екатерине I: "И множество бегут за рубеж польский и в башкиры, чему и заставы не помогают, и такой после расположения полков на квартиры в душах уцерб является, что в одном вологодском полку, который расположен в Казанской губернии, убыло с лишком 13 тысяч душ, взятых в солдаты 390... Да в той же губернии бежало в башкиры 2043 души. И ежели далее сего так продолжать, то всякому Российского отечества сыну соблезную рассуждать надлежит, дабы тем так славного государства нерадивым смотрением не допустить, в конечную гибель и бедство" [9, т. IX, с. 569].

Тем не менее и вторая половина царствования Петра Великого должна быть отнесена к периоду оживления, поскольку все наиболее важные его преобразования относятся именно к этому периоду его правления.

Достаточно убедительная позиция в вековечном споре наших историков о роли Петра I состоит в том, что само по себе укрепление (во многом даже создание) самодержавного авторитарного режима в России может быть признано более значительным реакционным результатом его царствования, чем все проведенные им прогрессивные реформы. Исходя из этого, можно было бы включить в число основных признаков, различающих фазы цикла, преобладание статической или либерально-направленности происходящих в данный период реформ. И если говорить о периодической смене тенденций, то базой их являются все же культурно-психологические изменения, а собственно политические установки (такие, как статизм или либерализм) могут характеризоваться деятелями как левой, так и правой ориентации. С таких позиций эпоху Петра I следует, видимо, отнести к "левой" фазе в противоположность близким к ней по ряду признаков, но явно правым периодам правления Ивана Грозного и Сталина.

При попытках объяснить механизм чередования фаз оживления и застоя и их длительность прежде всего приходит в голову мысль об их связи с моментами прихода

нового правителя, с новой "командой" помощников, заряженных новым мышлением и успевших разочароваться в линии предыдущего лидера, или со смертью диктатора.

Действительно, как правило, период оживления совпадает с началом нового длительного царствования, с ожиданием реформ и намерением решить накопившиеся в обществе проблемы (Екатерина II, Александр I) или со смутным временем, когда определяется выбор следующего царя и ставится вопрос об изменении формы правления (1599—1613, 1725—1730 гг.). При этом вторая половина царствования нередко оказывается мало похожей на его начало. Она сводится либо к преследованию целей самодержавия, не оправданных национальными интересами и истощающими национальные ресурсы (опричнина Ивана Грозного; 14-летняя война Петра I уже после Полтавской победы, приблизившая народ к "конечному разорению", когда он вводил русские войска в Польшу, Померанию, Менкленбург, Данию, осаждал Штетин и Данциг, чуть не потерял плоды своих побед, будучи окруженным на берегах Прута, и т.п.), либо к тому, что царь, убедившись в невозможности разрешить основные проблемы страны, не поступаясь самодержавной властью, меняет направление политики, переключая внимание с проблем внутреннего реформирования на внешние (Екатерина II — после роспуска Комиссии по Уложению в 1768 г., и особенно после Пугачевского восстания; Александр I — после войны 1812 г.).

Даже цари явно консервативного или реакционного направления в первые 5—10 лет своего правления выглядят либеральными реформаторами. Так, годы 1547—1560 Избранной рады при Иване IV можно смело отнести к фазе оживления. Конец периодов "левых" царствований и начало "правых" обычно противоречивы. Их приходится считать промежуточными, спорными.

Важно подчеркнуть, что хотя смена фаз цикла всегда связана с переломом в ее политике, причины этих перемен, конечно же, не сводятся к случайному восшествию на престол того или иного человека или к смене ориентаций царя. Даже если взять в качестве примера монарха, обладающего такой полнотой самодержавной власти и такого авторитарного по натуре, как Николай I, можно увидеть, что результаты его деятельности претерпевают значительные изменения в самых существенных пунктах, если они противоречат интересам господствующих классов и групп. В первые годы его правления (скажем, 1826—1830 гг.) заметны существенные колебания правительства в выборе курса. Николай I тогда не чувствовал себя уверенным и, по-видимому, надеялся с помощью умеренно-либеральных реформ если не разрешить полностью, то смягчить неблагоприятное впечатление начала царствования (казни, ссылки и т.д.). В 1828 г. он утверждает новый цензурный устав, значительно более либеральный, чем "чугунный" устав 1825 г., разработанный А.С. Шишковым. Уже в 1826 г. был составлен первый секретный комитет для выработки нового положения "Об устройстве всех состояний людей", который должен был пересмотреть самые основы общества. Жесткий консервативный или даже реакционный стиль политики Николая I вырабатывался в значительной мере под влиянием противодействия реформам быстро растущего численно и набирающего силу бюрократического аппарата. Это наглядно показано В.О. Ключевским [8, т. V, с. 272—282] и Н.Я. Эйдельманом [10] на примере законодательства по крестьянскому вопросу.

С 1827 по 1848 г. царь несколько раз делает попытки (правда, робкие и тайные) сдвинуть с мертвой точки дело освобождения крестьян. В 1827 г., когда общество еще не готово к либеральным переменам, бюрократы, пугая царя "ропотом и волнением умов", добиваются отложить проект важного закона, предложенного М. Сперанским. А в 1830 г. (застой вполне утвердился) уже легче "справиться" с прогрессивным проектом, и он откладывается вовсе на неопределенный срок. Законы, принятые в 1827 и 1847 гг. о переводе разоряющихся имений в казенное управление и о праве крестьян выкупаться вместе с землей, просто исчезли из текста свода законов при его переиздании, будто их и не существовало. Другие прогрессивные законы не действовали, потому что не были приведены в соответствие с ними те, которые утверждали права крепостников-помещиков.

Рассмотрим периоды, не затронутые выше.

Типичный цикл просматривается уже в XVI в., начиная с интенсивной реформаторской деятельности Избранной рады (1547—1560 гг.), когда были проведены церковная, судебная, военная реформы, ликвидированы крупнейшие "кормления", создана приказная система центрального управления, ограничено местничество, осуществлена податная реформа "большой сохи" и т.д. Этот реформаторский настрой способствовал и пробуждению общественной мысли: деятельность дворянских идеологов (И. Пересветов, В. Топорков и др.), появление первых проектов преобразования общества.

Начиная с отставки А. Адашева и ухода Сильвестра (1660 г.) в правлении молодого царя берут верх тиранические тенденции, которые приводят к массовому террору, достигающему апогея в период опричнины и "княжения" Симеона (1566—1577 гг.). Укрепляется крепостная зависимость и ужесточается эксплуатация крестьянства. Постоянные поборы, войны, голод, чума доводят страну до великого разорения. А. Герцен назвал этот период "внутренней татарщиной".

После смерти Ивана Грозного (1584 г.) страна постепенно оправляется от перенесенных бедствий. Но со смертью царя Федора и концом династии начинается период, именуемый обычно Смутным временем (1598—1613 гг.), который характерен новым оживлением общественной мысли с интенсивными поисками новых форм управления страной. Эти времена отмечены серьезными потрясениями, вторжением поляков, крестьянским восстанием, новым разорением русских земель к концу периода. Однако он может быть квалифицирован как период общественного оживления, поскольку характеризуется интенсивными поисками новых форм правления, выдвижением весьма прогрессивных политических идей, к сожалению, не получивших осуществления. К нему относятся неслыханные до того на Руси выборы царей (Б. Годунов, В. Шуйский, М. Романов), официальное ограничение царской власти, составление конституционных условий (подкрестная запись В. Шуйского, договор М. Салтыкова с королем Сигизмундом, "приговор" временному правительству П. Ляпунова), превращение Земского собора в Учредительное всесословное собрание (1613 г.), которое затем два с лишним года заменяло правительство. По словам В.О. Ключевского, "из потрясения, пережитого в Смутное время, люди Московского государства вынесли обильный запас новых политических понятий, с которыми не были знакомы их отцы, люди XVI века". Прежде всего это относится к понятию воли народа как источника власти [8, т. III, с. 66—70].

В эпоху царствования М. Романова (1613—1645 гг.) трудно выделить фазы оживления и застоя. Возможно, это связано с недостаточностью наших знаний о том времени. Признаки нового оживления относятся к концу 1640-х годов.

Одно из наиболее известных мероприятий той эпохи — создание свода законов (Уложения) — относится к 1648—1649 гг. Хотя по замыслу он должен был только упорядочить традиционное судопроизводство, на наш взгляд, его следует рассматривать скорее как признак оживления, поскольку он носит вполне конструктивный характер успешной попытки укрепления законности. К 1653 г. относится также введение торгового устава и единой рублевой пошлины, способствовавших развитию торговли. Некоторыми признаками фазы оживления обладает церковная реформа Никона (1653 г.): отказ от старых традиций, ориентация на вселенскую церковь (хотя В.О. Ключевский интерпретирует ее только как реализацию личных претензий Никона поставить патриаршую власть выше царской за счет придания ей вселенского характера).

К признакам фазы оживления не в последнюю очередь следует отнести стихийный процесс европеизации московской жизни, который неукротимо развивался в 1660-е и особенно в 1670-е годы. 1680—1690-е годы, напротив, характеризуются активизацией антизападнической, националистической и изоляционистской реакции, манифестом которой стало завещание патриарха Иоакима (1690 г.), а проявлениями — стрелецкие бунты.

1670-е годы носят промежуточный, переходный характер. Об этом свидетельствует обострение уже с конца 1660-х годов социальных и идеологических противоречий, нарастающих к концу периода оживления. На Соборе 1666—1667 гг. предано анафеме двуперстие, 1667 г. — суд над протопопом Аввакумом, 1668—1674 гг. — крестьянская война под руководством С. Разина, какой еще не видывала Россия.

Пятилетие 1725—1730 гг. — явное оживление, и его можно рассматривать как продолжение, как последний всплеск той мощной волны оживления, которой отмечено начало века. Правда, теперь политическое направление нововведений противоположно петровским. Если Петр I вводил государственные монополии, устанавливая непомерные пошлины и запреты, то за 1727—1729 гг. принимается столько указов "фритредерского" характера, что можно подумать, будто речь идет о конце XIX в. Происходит "увольнение коммерции": отменяются казенные монополии на соль, табак, поташ, разрешается свободное устройство горных заводов в Сибири без специального разрешения Берг-коллегии, вывоз товаров через нарвский и ревельский порты всех провинций (запрещенный для прикрепления вывоза к Петербургу), беспошлинная постройка кораблей иностранцами, издается вексельный устав, а также принимается множество более частных мер экономической либерализации [11, с. 336—337].

Начало 1730 г. отмечено бурными политическими дебатами во всех слоях столичного общества, разработками проектов политического устройства не только верховниками ("кондиции" Д.М. Голицына), но и в среде шляхетства (проект конституции В.Н. Татищева).

Этим проектам не суждено было реализоваться, и наступает мрачная полоса правления Анны Иоанновны, бироновщины (1730—1740 гг.) и затем, уже охарактеризованное выше, — Елизаветы Петровны (1740—1762 гг.).

Новое оживление — с 1762 г., с приходом к власти Екатерины II. Начиная с манифеста 6 июля 1762 г., в котором утверждалось, что неограниченное самодержавие есть зло, обещались законы и провозглашался культ просвещения, и до прений в "Большой" комиссии по новому Уложению 1767—1768 гг., все было проникнуто оптимистическим сознанием необходимости перемен, перемен на основе разума и западных идей. Наиболее наглядно черты оживления просматриваются в 1762—1768 гг.

Уже с Пугачевского восстания 1773—1775 гг. можно констатировать тенденции консервативного и реакционного направления. Вместо критического отношения к действительности, характерного и для самой Екатерины и для лучших представителей дворянской интеллигенции в начале ее правления, появляются настроения апологетики существующего положения, вместо рассуждений с точки зрения всего человечества — противопоставление России Западу. Общее собрание Комиссии в декабре 1768 г. распускается впредь до нового сезона, но нового уже не последовало. Критическое отношение к русской действительности, столь далекое от просветительских идей, которым проникнут "Наказ" Екатерины 1762 г., сменяется в "Антидоте" ее апологетикой: "Знайте же, невежи, что мало есть государств, в которых закон уважался бы настолько, как у нас, что русское правительство устроено, как все прочие в Европе и даже лучше некоторых из них" [12, с. 290]. А ее близкий сотрудник генерал-майор И.Н. Болтин обосновывает благодетельность изоляционизма [13, с. 383]. Вслед за Екатериной ту же эволюцию проделывают многие представители истеблишмента.

Тем не менее оставшуюся часть царствования Екатерины (1768—1796 гг.) вряд ли можно считать типичным временем застоя. Скорее следует дать ей "нулевую" оценку. Как уже отмечалось, очень много аналогий с другими периодами застоя имеет эпоха Павла I (1796—1801 гг.), а с периодами оживления — начало царствования Александра I (1801—1812 гг.).

Вторая половина правления Александра I (1812—1825 гг.) характеризуется постепенным отказом от первоначальной либеральной программы во внутренней политике и переходом во внешней к сохранению законного порядка, основанного на преданиях старины. Деятельность правительства в этот период ассоциируется с ужесточением цензуры, усилением надзора за учебными заведениями, с такими одиозными фигурами, как А. Аракчеев, министр народного просвещения и духовных дел князь А. Голицын, член главного управления училищ Л. Магницкий. Однако те же годы отмечены расцветом дворянской культуры, разработкой проектов нового государственного устройства в декабристских кругах.

Фазу оживления, следовавшую за николаевским застоєм, можно отождествлять с периодом царствования Александра II (1855—1881 гг.), когда было отменено кре-

Таблица 1

Периоды оживления и зстоя в истории России

Оживление	Середина периода	Зона неопределенности	Застой	Середина периода	Зона неопределенности
Годы					
1547–1560	1554	1560–1566	1566–1577	1572	1577–1598
1598–1613	1606		–	–	–
1648–1666	1657		1666–1674	1670	1674–1698
1698–1730	1714		1730–1740	1735	1740–1762
1762–1773	1768	1773–1796	1796–1801	1798	
1801–1825	1813		1825–1855	1842	1855–1858
1858–1881	1869		1881–1895	1888	1895–1905
1905–1917	1906	1917–1928	1928–1952	1940	
1953–1968	1966		1968–1985	1977	1985–...

Таблица 2

Граница больших экономических циклов по Н.Д. Кондратьеву [1, с. 197]

Повышательная волна	Середина	Зона неопределенности	Понижательная волна	Середина	Зона неопределенности
Годы					
1790–1810	1800	1810–1817	1817–1844	1830	1844–1855
1855–1870	1862	1870–1875	1875–1890	1882	1890–1896
1896–1914	1905	1914–1920	1920–...		

постное право и проведены земская, судебная, военная и другие реформы. Общественно-политические идеи 1860-х годов существенно определили дальнейшее общественное развитие; значение поколения шестидесятников сопоставимо с поколениями декабристов начала XIX в. и социал-демократов начала XX в.

Период 1880-х годов после оживления 1860-х воспринимался современниками как мрачное безвременье. Симптомами перехода общества от "конструктивной" фазы к "застою" можно считать разочарование многих представителей интеллигенции сначала в революционно-демократических методах борьбы, переход части революционно настроенной молодежи в 1870-е годы к террористическим методам. После "нечаевского" дела подверглись ревизии и идеалы революционных демократов 1860-х годов (Ф. Достоевский, Л. Тихомиров). 1880-е годы – период разгрома "Народной Воли", господства "теории малых дел".

Новое оживление уже никак не связано с деятельностью царской администрации. Его началом можно считать выход на историческую арену социал-демократов, "серебряный век" русской литературы, быстрый подъем капиталистического производства и датировать серединой 1890-х годов.

* * *

Табл. 1 показывает, что периоды с наиболее четко выявленными признаками оживления или зстоя разделены более или менее длительными зонами неопределенности и характеризуются признаками того и другого ряда. Неопределенность может порождаться как недостаточной изученностью периода, так и неоднозначностью возможных вариантов интерпретации одних и тех же исторических фактов вследствие различий

политических и мировоззренческих позиций исследователей. Естественно, что эти спорные периоды при определении социально-культурного стиля оказываются гораздо более длинными, чем при оценке экономической ситуации, перепечатанной из работы Н.Д. Кондратьева [11, с. 197] в форме табл. 2.

Из табл. 1 видно, что середины периодов оживления, так же как и застоя, повторяются с примерно полувековой цикличностью. Весь драматизм положения состоит в том, что мы не можем взглянуть на наш век из далекого будущего. Возможно, то, что мы сейчас принимаем за начало фазы оживления, есть только ее предвестник: подобно тому, как недолгие годы военного коммунизма во время гражданской войны предвосхитили черты устойчивой административно-карательной системы Сталина, возникшей на 8–10 лет позже. Самый живой интерес проявляется, конечно, тогда, когда мы подходим к перестройке, к 1985 г. Но здесь возникает недоумение. Согласно циклу, в 1970-е годы должно еще продолжаться оживление, а 1980–1990-е г. стать глухими годами застоя. Либо цикл резко сократился после 1953 г. до 15–17 лет, либо 1970-е годы надо считать продолжением оттепели и признать, что перестройка наступила "раньше времени", так сказать, начали "кукарекать до рассвета".

Эта статья была написана 4 года назад. Я не стал ее публиковать тогда, поскольку начавшаяся перестройка ломала всю красивую схему. Но теперь вижу, что совсем не лишнее — акцентировать внимание на исторические сроки. К сожалению, прогностическая сила "длинных волн" в краткосрочном плане совсем невелика. Нас уже давно не охватывает восторг весенних перемен, как в первые годы перестройки. В обществе нарастает тревога и напряжение из-за быстрого ухудшения экономического положения, обостряются национальные, политические, идеологические противоречия. Самое большее, по моему мнению, что может дать "историческая астрология" (впрочем, так же, как и биоритмы для одного человека) — это предостережение на ближайшие годы и оптимизм на будущее, на конец 1990-х — начало 2000-х годов. Еще не набрало силу новое поколение, способное обеспечить новый социально-экономический подъем. Пока перестройку делает поколение шестидесятников, способное только разрушить старую систему, но, возможно, не обладающее качествами для созидания новых форм жизни, новыми навыками, новыми ценностями. Как предупреждают человека на основе анализа его биоритмов не предпринимать далеких путешествий в определенные дни, так можно сказать нашему обществу: в первой половине 1990-х годов слишком велика вероятность срыва, отката назад. Созидательный бум может начаться только через 5–10 лет.

Зато в отношении более долгосрочных прогнозов длинные волны внушают явный оптимизм. И экономический, и социально-психологический подъем должен начаться на рубеже веков. Об этом свидетельствует и резкое различие взглядов молодежи и старшего поколения, которое фиксируется сейчас большинством социологических опросов. Опросы по выявлению расстановки политических сил показывают разрыв между молодежью до 30 лет и другими возрастами по доле ориентирующихся на ценности экономических и политических свобод, признающих необходимость перехода к рынку*.

Вот результаты исследования отношения населения к экономической реформе (опрос примерно 1500 человек по 12 регионам страны), проведенного Всесоюзным центром по изучению общественного мнения при ВЦСПС и Госкомтруда СССР (под руководством д.э.н. В.М. Рутгайзера). Резкий контраст между молодежью до 24 лет и старшим поколением (после 50 лет) по вопросу, надо ли привлекать иностранных капитал и иностранных специалистов. Эту меру поддерживает 30% молодежи и только 10% пожилых. Хозяйственную самостоятельность республик поддерживают 33% молодежи и 20% пожилых. Сами хотят работать на совместном (с иностранными фирмами)

* По данным [14], для молодежи эта доля — 34%, для зрелого возраста 30–50 лет — 23%, для пожилых — 11%.

предприятия или открыть собственное кафе — около половины молодых людей и лишь 8–10% пожилых.

Эти и многочисленные другие данные показывают, что следующее поколение обещает стать значительно более подготовленным психологически (а может быть, и с точки зрения навыков) к новым формам хозяйственной деятельности, самостоятельно организовывать эти формы, не ожидая этого от государственных структур.

Все это свидетельствует, что основные результаты происходящей сейчас реформы или революции должны выявиться только через 3–5, а может быть и 10 лет, когда новое поколение наберет опыт и займет ключевые посты в обществе. Наиболее опасны для дела оздоровления общества "только" ближайшие годы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры // Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики. М.: Экономика, 1989.
2. Goldstein J.F. Kondratiev Waves as War Cycles. Cambridge, 1985.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 37.
4. Janov A. The Originus of Autocracy. Stanford, 1981.
5. Янов А.Л. Русская идея в 2000 году. Н.-Й., 1988.
6. Маслов С.Ю. Асимметрия познавательных механизмов и ее следствия // Семиотика и информатика. Вып. 20. М.: ВИНТИ, 1983.
7. Юнг К.Г. Психологические типы. М.: Мусажет, 1929.
8. Ключевский В.О. Сочинения. В восьми томах. М.: Госполитиздат, 1956–1959.
9. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Соцэкгиз, 1962.
10. Эйдельман Н.Я. Секретная аудиенция // Новый мир. 1985. № 12.
11. Покровский М.Н. Избр. произведения. Кн. IV. М.: Мысль, 1961.
12. Бартенев П.И. Осьмнадцатый век. Кн. I. М.: Антидоп, 1869.
13. Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненные генерал-майором Иваном Болтинным. Т. II. СПб, 1788.
14. Бызов Л., Гуревич Т. Перемены в политическом сознании // Аргументы и факты. 1990. № 7.

Поступила в редакцию
1 X 1991